

Они вошли в дом как раз в момент восстановления подачи электроэнергии, и потолочный светильник замигал.

Ли Тан поспешно вытер глаза.

Он хотел избавиться от привычки так легко плакать. Сегодня ему удалось сдержать слезы, которые лишь кружились в глазах, — значительное улучшение.

Хотя Цзян Лу все равно это заметил.

Взяв салфетку, которую ему протянул Цзян Лу, Ли Тан неловко сменил тему:

— Ты что-то говорил о жертвоприношениях. Я не совсем понял.

Цзян Лу повернулся, чтобы вернуть складной стол на место. Выражение его лица было скрыто в полумраке.

— Неважно.

После того, как мебель была переставлена, Цзян Лу достал из шкафа картонную коробку. Внутри оказались различные предметы первой помощи.

С помощью ватного тампона, обмакнутого в йод, он продезинфицировал рану на руке Ли Тана. Ли Тан инстинктивно отдернулся, но Цзян Лу схватил его за запястье, не давая пошевелиться.

Ли Тан сбился со счета, сколько раз Цзян Лу лечил его раны. Он не хотел так часто раниться, но он был слишком хрупким.

— Как это произошло? — спросил Цзян Лу.

Ли Тан поджал губы.

— Я споткнулся по дороге сюда.

— Ты шел пешком?

— Там было много машин, поэтому мне ничего не оставалось, как идти пешком.

— Нога больше не болит?

С тех пор, как Ли Тан упал на беговой дорожке и сильно ударился головой, классный руководитель перестал заставлять его заниматься бегом. Он без вопросов одобрил его просьбу об освобождении от занятий.

— Это... становится лучше, когда привыкнешь, — смущенно сказал Ли Тан. — А мой дом не так уж далеко отсюда.

Когда Цзян Лу собирался что-то сказать, снаружи внезапно раздался шум.

Кто-то крикнул в дом:

— Цзян Лу, открой! Твоя тетя пришла тебя увидеть!

Ли Тан хотел последовать за ним, но Цзян Лу велел ему оставаться дома. Обычно он слушал Цзян Лу, но сейчас его охватило любопытство.

Он думал, что у Цзян Лу не осталось живых родственников, но у него была тетя.

Теперь, когда в каждом доме горел свет, Ли Тан увидел в окно женщину, стоящую за владельцем магазина. У нее были короткие волосы до ушей, нос картошкой, маленькие глаза, землистый цвет кожи и губ. На ней была рабочая униформа с надписью названия фабрики.

Ли Тан был несколько удивлен.

Эта тетушка совсем не была похожа на Цзян Лу.

Не только внешность, но и характеры, и привычки, казалось, не имели ничего общего. Женщина говорила на местном диалекте Сюйчэна, не различая «н» и «л», и проглатывала ретрофлексные согласные, но Ли Тан все равно понимала суть. Она спрашивала Цзян Лу, почему он не связался с ней по поводу такого важного события.

Цзян Лу спокойным голосом ответил:

— С домом все в порядке. Он не рухнул.

— Но ты же должен был мне сказать! — сказала женщина, подходя ближе, чтобы осмотреть Цзян Лу. — Раз уж с тобой все в порядке. Но, глядя на этот дом с такой большой трещиной, он, должно быть, опасен, верно? Я слышала, что правительство планирует снести этот район и построить новые дома. Интересно, какой будет политика...

Цзян Лу продолжал говорить своим спокойным тоном:

— Незачем знать, ведь дом не твой.

Это задело женщину за живое, и она перестала фальшиво улыбаться.

— Как он может быть не моим? Когда твой отец женился, дед временно дал тебе этот дом, чтобы ты жил в нем, но это не значит, что у меня нет в нем доли.

Раскрыв истинные намерения, Цзян Лу насмешливо улыбнулся.

— Слова не имеют значения, в документе о праве собственности указано мое имя.

— Я знала это. Я знала еще тогда, ты не пошел со мной, еще когда ты была ребенком, и настаивал на том, чтобы отправиться в этот приют. Должна же быть причина! — воскликнула женщина, широко раскрыв глаза. — Я и не думала, что, едва тебе исполнится восемнадцать, ты тайно переведешь дом на свое имя, оберегая его от меня!

Услышав слово «тайно», Цзян Лу едва заметно нахмурился.

— Дом принадлежал моему отцу. После его смерти перевести его на мое имя было законно и правильно.

— Не пытайтесь давить на меня законом! — повысила голос тетя. — Этот дом оставил отец, и я имею в нем право на долю. Я кое-кого попросила, и даже если мы пойдем в суд, я, возможно, не проиграю!

— Тогда подай на меня в суд, — нетерпеливо сказал Цзян Лу. — Когда ты стала моим опекуном, ты делала это только ради дома и алиментов. Ты же знаешь, какую большую часть родительских обязанностей ты выполняла. В суде есть все записи.

Лицо тети залилось краской.

— Что ты имеешь в виду, угрожая мне? Кто сказал, что я тебя не воспитывала? Когда мать бросила тебя сразу после родов, я покупала тебе сухое молоко. Иначе как бы ты дожил до сегодняшнего дня? Потом, когда умер твой отец, разве я не готовила тебе еду? Сколько денег осталось от алиментов твоей матери? Не хватит на еду, питье и повседневные расходы... Можешь ли ты честно сказать перед небесами, что ничего моего не ел и ничем моим не пользовался?

Не в силах больше слушать, владелец магазина попытался выступить посредником.

— Вы родственники: тетя и племянник. Если есть проблема, сядьте и обсудите ее медленно. Не нужно спорить до тех пор, пока ваши лица не покраснеют, а шеи не затекут...

— Это я хотела поспорить? Ты сам видел, только что случилось землетрясение, и я примчалась сюда с завода, чтобы увидеть его, вместо того чтобы вернуться домой. А он, посмотри на него, ведет себя так, будто не узнает семью, поливает меня грязью, говорит, что я его не воспитывала... Боже мой, наша семья Цзян всегда ценила кровные узы превыше всего. Как такой белоглазый волк мог родиться среди нас? Несколько лет учебы – и он возомнил из себя... Похоже, он унаследовал бессердечную черту своей матери, бросившей мужа и ребенка...

Говоря это, женщина начала вытирать слезы.

Соседи уже собрались посмотреть на это зрелище, некоторые пытались ее успокоить. Дядя, разводящий кур, и его жена подошли к Цзян Лу и шептали:

— Скажи ей пару добрых слов, чтобы она ушла. Нехорошо, если ситуация обострится. Ты еще учишься.

Лицо Цзян Лу похолодело. Он хорошо знал истинную натуру своей тети и понимал, что она так просто не отступит. Если он уступит сегодня, последствия могут быть бесконечными.

Он достал из кармана бумажник и вытащил несколько купюр.

— Деньги на сухое молоко и еду.

Женщина перестала рыдать, тупо глядя на розовые купюры в своей руке.

Цзян Лу вытащил еще две.

— Хватит?

Женщина подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь мы в расчете.

— Ты... это значит, что ты не признаешь меня своей тетей, верно?

— Какая разница, признаю я тебя или нет?

Как бы то ни было, им пришлось бороться за право собственности на дом. У них не осталось никаких чувств друг к другу.

Цзян Лу не хотел связываться с ней еще больше. Он бросил деньги ей в грудь и повернулся, чтобы уйти.

За его спиной раздавались проклятия вроде «бессердечный маленький ублюдок» и «ты заслуживаешь быть глухим и инвалидом». Соседи удерживали тетю, веля ей идти домой. Только что произошло землетрясение; позже могли быть и повторные толчки.

Только тогда шум утих.

Цзян Лу вернулся в дом и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Ли Тан содрогнулся, наблюдая, как куски штукатурки отваливаются от треснувшей стены.

Лицо Цзян Лу потемнело, когда он продолжил обрабатывать рану Ли Тана ватным тампоном. Услышав шипение Ли Тана, он резко вернулся к реальности и замедлил движения.

Ли Тан знал, что тот не хотел причинить ему вреда. Цзян Лу был в плохом настроении, поэтому его действия были лишены мягкости.

Размышляя о своих семейных отношениях, можно сказать, что у Ли Юаньшаня была старшая сестра, тетя Ли Тана. Хотя они редко общались, по праздникам они собирались в доме бабушки Ли Тана на семейные ужины. В эти дни тетя дарила Ли Тану красные конверты, а иногда и небольшие подарки из-за границы.

Таким образом, тетя Цзян Лу полностью опровергла мнение Ли Тана. Как могла тетя не только не заботиться о племяннике, но и пытаться отобрать у него его единственное жилище?

Она даже назвала Цзян Лу инвалидом. Услышав эти слова, сердце Ли Тана сжалось.

Цзян Лу потерял родителей в раннем возрасте, и ему не на кого было положиться. Ему пришлось самому зарабатывать себе на еду и образование, с трудом сводя концы с концами и перенося больше травм, чем Ли Тан когда-либо видел.

Почувствовав более глубокое понимание стойкости и трудностей Цзян Лу, Ли Тан поднял другую руку и осторожно положил ее на голову Цзян Лу.

Он начал понимать значение поглаживания по голове, это было похоже на утешение, молчаливое желание сказать другому человеку: не грусти, я рядом.

В этот момент Ли Тан сидел, а Цзян Лу был в полуприседе перед ним, делая жест поглаживания по голове невероятно естественным.

Однако Цзян Лу явно не привык к поглаживаниям по голове. Его опущенные ресницы затрепетали, а тело на мгновение напряглось.

Но сердце его странным образом успокоилось.

Цзян Лу взглянул на Ли Тана:

— Ты все слышал?

Ли Тан кивнул.

— Как ты думаешь, я этого заслуживаю?

Ли Тан покачал головой.

Он никогда высокомерно не ставил себя выше другого, сочувствуя его несчастьям, и не смел даже предположить, что узнает правду из чужих уст.

Он просто подумал: «Я был недостаточно добр к тебе».

В будущем ему нужно было стать лучше.

Часы показывали восемь вечера. На дороге по-прежнему было много машин, и беспрестанно гудели автомобильные гудки.

Никаких афтершоков не последовало, но Ли Тан первым получил уведомление об отмене занятий от старосты класса Ли Цычу.

Группа в WeChat взорвалась. Некоторые связывались друг с другом, уверяя себя в своей безопасности, некоторые отмечали неожиданный праздник, а другие интересовались, не обрушилось ли учебное здание.

Ли Цычу:

[Нет, сейчас я помогаю учителям расставлять парты и стулья в школе.]

Он поспешил в школу сразу после землетрясения. Одноклассники прислали ему эмодзи со сложенными руками, выражая восхищение этим преданным своему делу старостой класса.

Чуть позже Хо Сичэнь разместил в группе фотографию:

[Чей это зонтик, брошенный под трибуной?]

Он тоже был в школе.

Почувствовав что-то необычное, Ли Тан написал Ли Цзычу личное сообщение, спросив:

[Вы вместе с Хо Сичэнем?]

Пять минут спустя Ли Цзычу ответил:

[Да, он настоял на том, чтобы пойти со мной.]

Ли Тан:

[Вы помирились?]

Ли Цзычу:

[Мы никогда не были вместе, так какое расставание и примирение?]

Прежде чем Ли Тан успел ответить, Ли Цзычу отправил второе сообщение:

[Во время землетрясения сегодня днем он первым ворвался в мою комнату и заслонил меня своим телом.]

А затем третье сообщение:

[Хотя он постоянно говорит, что ему не нравятся парни, и хотя это я его соблазнил, я думаю, он просто робкий и боится признаться в этом. Возможно, у него все-таки есть ко мне искренние чувства.]

Ли Тан не хотел вмешиваться в чужие дела, но, как друг, все же любезно предупредил:

[Не целуй его насильно. Ты же говорил, что он робкий; вдруг ты его спугнешь?]

Ли Цзычу ответил голосовым сообщением, продиктованным сквозь стиснутые зубы:

[~ Да, это он заставил меня поцеловаться!]

Ли Тан был весьма удивлен, его ожидания относительно этих братских отношений значительно возросли.

Его телефон заряжался от розетки. Ли Тан позвонил маме и объяснил, что на дорогах трудно ориентироваться, и он вернется поздно.

Положив трубку, он заметил, что Цзян Лу пристально смотрит на него.

— Твоя мать плохо себя чувствует? — спросил Цзян Лу.

— Хм-хм, — Ли Тан положил телефон на стол. — После этого периода отдыха ей стало гораздо лучше.

Цзян Лу отвел взгляд и промолчал.

Ли Тан догадался, что он думает о своей матери.

Также из ругательств тети Ли Тан узнал, что мать Цзян Лу не умерла; она покинула семью сразу после рождения сына.

Если бы его мать знала, что Цзян Лу не только вырос в безопасности, но и так усердно трудился и добился успехов, пожалела бы она тогда, что бросила его?

На ужин у них была лапша быстрого приготовления.

В это особенное время у них не было выбора. К счастью, им удалось хоть чем-то набить свои желудки.

Что еще хуже, во время землетрясения миски Цзян Лу разбились, и осталась только сколотая миска для супа, которой едва можно было пользоваться.

Ли Тан собирался предложить Цзян Лу поесть первым, пока тот не закончит, но Цзян Лу уже налил кипятка в миску с упаковкой лапши со вкусом морепродуктов.

Его собственная острая говяжья лапша замачивалась прямо в пакете: для этого он разорвал упаковку, разорвал пакетики с приправой, высыпал содержимое внутрь и залил горячую воду через отверстие пакета.

Ли Тан никогда не видел столь грубого способа приготовления лапши быстрого приготовления. Он был изумлен и напрягся, то спрашивая, не протечет ли пакет, то беспокоясь, не выделяет ли пластиковый пакет вредных веществ при нагревании.

Цзян Лу ответил:

— Не умру, я часто так ел.

Ли Тан на мгновение замолчал, а затем на его лице появилось горько-сладкое и сочувственное выражение.

Он больше не возражал, а огляделся вокруг, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы завязать отверстие пакета, чтобы не выходил пар.

Не найдя подходящего инструмента, он нашел листок бумаги.

Это был постер, упавший во время землетрясения, фильма «Титаник», вышедшего в Китае в 1998 году. Бумага была влажной и пожелтевшей, раньше ею закрывали трещины на стене.

Ли Тан поднял его и отряхнул пыль.

Цзян Лу взял его, казалось бы, собираясь выбросить в окно, но Ли Тан остановил его.

— Это повесили твои родители, да?

По временной шкале это должно было произойти до рождения Цзян Лу.

Так что это был не просто плакат; это было напоминание о любви родителей Цзян Лу.

Более того...

Глядя на обнимающуюся пару на постере, Ли Тан вспомнил сцену, когда он смотрел этот фильм вместе с матерью, когда был маленьким.

Он почувствовал ностальгию.

— Моей маме тоже очень понравился этот фильм.

После долгой паузы Цзян Лу спросил:

— Правда?

Пока он спрашивал вслух, в его сердце раздался другой голос:

«Я знаю, конечно, я знаю.

Это был любимый фильм моей мамы».

В 2012 году «Титаник» был перевыпущен в Китае. Тринадцатилетний Цзян Лу купил билет и пошел в кино один.

Это была 3D-версия, и цена билета тогда была для него слишком высокой. Он целый месяц не ходил в ресторан, чтобы накопить денег.

Он просто хотел посмотреть фильм, который его отец назвал любимым фильмом мамы.

Возможно, из-за своего юного возраста Цзян Лу смотрел весь фильм с апатией, не тронутый даже тем, что похожие на пару мужчина и женщина рядом с ним плакали и обнимали друг друга.

Он нашел это ироничным, как она могла наслаждаться историей любви в фильме, которая преодолела социальные классы и пренебрегла всем, когда на самом деле она не могла вынести бедности и выбрала жизнь с большими привилегиями?

В конце концов он не выбросил этот плакат.

Ли Тан аккуратно сложил плакат и вложил его между страницами толстого словаря.

— Обычно ты его не будешь видеть. Но когда случайно наткнешься на него позже, это будет приятным сюрпризом.

Цзян Лу шагнул вперед, обхватил лицо Ли Тана обеими руками и поцеловал его возле губ.

Он сказал Ли Тану:

— То, что ты появился в моей жизни, — это настоящий сюрприз.

Прошло еще два часа. На улице стояла густая ночь, и сирены временно затихли.

Они сидели рядом у двери, играя с бродячей собакой, которая прибежала сюда в поисках убежища.

Возможно, благодаря регулярному подкармливанию соседями, щенок оставался круглым и пухлым. Увидев Ли Тана, он начал яростно вилять хвостом, словно вспоминая доброго человека, который когда-то угостил его жареной сосиской.

Цзян Лу наконец взял телефон, смахнув оповещение о десятках пропущенных звонков от Маленького лисенка. Ли Тан нахмурился:

— Твой телефон — просто для красоты? Почему я не смог дозвониться?

Цзян Лу усмехнулся и, нажав несколько раз, установил уникальный рингтон для Ли Тана. Он сказал ему:

— Звонки всех остальных вибрируют.

Ли Тан поджал губы, желая рассмеяться, но опасаясь, что излишняя удовлетворенность раскроет его «лисий хвост».

Дождь прекратился, и изнуряющая жара дня спала. Воздух был наполнен влажным запахом прелых листьев и земли.

В новостях сообщили, что пока никто не пострадал в результате землетрясения, что позволило изначально шумному городу погрузиться в сон.

Избыточное спокойствие всегда вызывало желание его нарушить.

Ли Тан глубоко вздохнул, воспользовавшись случаем задать вопрос, который давно терзал его сердце.

— Итак, как мне тебя называть?

Они уже были в самых близких отношениях, какие только возможны, но называть его по имени всегда казалось чем-то отстраненным.

Более того, он уже был лисичкой Цзян Лу и отчаянно хотел, чтобы Цзян Лу стал кем-то, принадлежащим исключительно ему.

Даже если об этом не может быть известно публично, только в частном порядке.

Цзян Лу предоставил ему право выбора.

— Как хочешь.

Ли Тан задумался, хотя уже имел ясное намерение, ожидая одобрения Цзян Лу.

— Ты на два года старше меня, — спросил Ли Тан. — Могу ли я называть тебя «гэ»?

Когда Ли Тан был совсем маленьким, он мечтал о старшем брате.

Кто-то, кто мог бы играть с ним, вместе заниматься на фортепиано и делать уроки. Когда отец бил его, старший брат заступался бы за него. Когда его запирали в комнате, старший брат вытаскивал бы его из темноты, говоря, что можно лгать и говорить, что ему не страшно, он такой маленький, и страх был понятен.

В его памяти на какое-то время появился «старший брат», но радость в тот момент была омрачена страхом не найти мать. Вернувшись домой, он заболел лихорадкой. Проснувшись, он ничего не помнил.

Может быть, это был всего лишь сон.

Семнадцатилетний Ли Тан был все еще невинен и все еще питал самые чистые надежды к людям в этом мире.

С другой стороны, девятнадцатилетний Цзян Лу давно знал, что жизнь всегда предполагает множество мимолетных благ и постоянных потерь.

Перед его глазами стояла удаляющаяся спина его матери, окровавленный труп его отца, а также бесконечные насмешки и оскорбления, алчность и жадность, беспочвенные обвинения и безудержная злоба, которые на протяжении многих лет звучали в его ушах.

Даже если он потерял половину слуха, мир был безмолвен и пустынен, словно руины, которые невозможно восстановить.

Поэтому, несмотря на неоднократные проверки и наблюдения, а также неоднократные подтверждения того, что человек перед ним ничего не осознавал, он все равно чувствовал, что эти ясные глаза и невинные слова были достаточно жестокими, чтобы разорвать человека на части.

Не ожидая долго, возможно, лишь два глубоких вдоха, Цзян Лу ответил:

— Конечно.

«Конечно, мой хороший младший брат».